

**ЗИНАИДА
ГИППИУС**

ПОЛЕТЕЛИ

Зинаида Николаевна Гиппиус

Полетели

Аннотация

«Мама у меня такая нежная, такая слабенькая. Ростом я уже сейчас с нее, а мне четырнадцать лет. Мама всегда говорила:

– Ты, Катя, не в меня. Вон ты какая большая и сильная. Как мальчик.

Это правда, я вся в папу. И с папой мы – точно товарищи. В рождение, когда мне исполнилось семь лет, папа мне подарил маленький, но совсем настоящий велосипед. Я скоро выучилась кататься, и мы с папой далеко уезжали вместе...»

Содержание

I	4
Конец ознакомительного фрагмента.	8

Зинаида Гиппиус

Полетели

I

Мама у меня такая нежная, такая слабенькая. Ростом я уже сейчас с нее, а мне четырнадцать лет. Мама всегда говорила:

– Ты, Катя, не в меня. Вон ты какая большая и сильная. Как мальчик.

Это правда, я вся в папу. И с папой мы – точно товарищи. В рождение, когда мне исполнилось семь лет, папа мне подарил маленький, но совсем настоящий велосипед. Я скоро выучилась кататься, и мы с папой далеко уезжали вместе.

В деревне, в нашем Замостье, плохие дороги, а все-таки ездили. Когда же, к сентябрю, мы перебирались за границу, в наш маленький домик «Ручейный», невдалеке от Парижа, – вот было хорошо кататься! Ветер в лицо, – ну точно летишь на крыльях.

Мы не могли жить зимой в России из-за маминого слабого здоровья. А папа мой техник, ему по зимам даже лучше было за границей работать.

Вскоре папа купил автомобиль. Он сам им управлял, показывал мне, и я сейчас же научалась. Тут ведь силы не нуж-

но, только умение и ловкость, а я уж в одиннадцать лет была очень ловкая.

На большом автомобиле «мерседес», который открывался и закрывался, а внутри был устроен, как уютная комнатка, – мы ездили далеко, в другие города. И мама тогда с нами ездила, и шофера мы брали, Жана, который вел машину. Это уж было целое путешествие. Мама сначала боялась автомобилей, а потом привыкла. Но скоро ездить все-таки не соглашалась, поэтому я не очень любила путешествия и большой автомобиль «мерседес».

А вот радость: вдвоем с папой поехать на другом нашем автомобильчике, двухместном. Маленький, легенький, а машина сильная. Каждый винтик мы с папой в нем знали, и все его капризы тоже знали. Впрочем, он славный был, добрый, верный и хорошо слушался, если его кормили бензином, сколько нужно, если его заботливо подмазывали, с лаской, а не грубо. Он, наверно, чувствовал, кто его любит, кто нет.

Раз мы очень хорошо ездили. Я сама вела машину, долго. Нисколько не устала, только дух захватило, так мы мчались.

– Молодец, Катя, – говорил папа. – Совсем ты у меня молодец. Только давай вернемся, видишь – темно, как бы мама не стала беспокоиться.

И правда: мама лежала на кушетке бледная, встревоженная, думала, не случилось ли чего. Я ее принялась целовать, рассказывать, как шибко и хорошо мы ездили, а она тихо

мне говорит:

– Катя, Катя, зачем вы опоздали! Как я тут без вас мучилась!

Мне стало жалко ее, так жалко, что вся радость от катанья пропала. И потом, когда поедем, уж я сама все тороплю папу назад: мама беспокоится!

Раз летом, в Замостье (мне шел уже двенадцатый год), у нас гостил двоюродный брат Миша. Он кадет, старше меня немного, но такой увалень. А между тем важничает.

Мы с ним то ссорились, то мирились. Гуляли вместе. Я ему все про наши автомобили рассказывала. В Россию мы их с собой не брали, все равно по деревенским дорогам нельзя ездить, совсем нельзя.

Раз мы сидели с Мишей у озера; я ему говорю:

– Знаешь, Миша, главное, когда так шибко-шибко едешь и рука у тебя на руле – то кажется, что уже земли под тобой нет, а ты по воздуху мчишься.

– Это глупости, – говорит вдруг Миша. – Мало ли что кажется! Кажется – однако ползешь преспокойно по земле, как червяк, только скоро. Вот невидаль!

– А ты чего же хочешь?

– Ничего я не хочу. Просто у меня раз была мысль, что люди ни к чему, если они все по земле. Люди пропадут с течением времени, а птицы будут все умнее, умнее и сделаются как люди, только с крыльями.

Я обиделась.

– Птицы умнеть! Сам-то ты очень умен! У птиц крошечный мозг, птица не может думать, как человек.

– Очень может. Вот пингвины, например, я читал: страх какие умные! Человек думает-думает, однако не может выдумать, чтобы летать по воздуху.

– Летать? Летать? Значит, ты хочешь, чтоб люди пропали? Чтоб пингвин какой-нибудь дурацкий...

Я так рассердилась, что не могла выдержать, бегом бросилась к дому. Миша тоже вскочил – и за мной. Кричит, спорить хочет.

Я пробежала прямо к папе в рабочую комнату. Там у папы стояли длинные белые столы с чертежами.

– Папа, ты послушай, что он... Нет, ты послушай...

Мы стали вперебивку рассказывать наш спор, и Миша опять настаивал, что пингвины умные, а что человек не может придумать, как летать.

Папа все выслушал, помолчал. Потом сказал Мише:

– Отчего же ты уверен, что люди не могут этого придумать? Они уже почти придумали.

Миша сказал с презрением:

– Ну, знаю, воздушные шары. Мы читали даже в корпусе про этикие... управляемые. Так разве это как птица? Это газ его тащит.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.